

Фредерик Х. Уайт

1902: размывая границы между медициной и литературой

Frederick H. White

1902: Blurring the Boundaries between Medicine and Literature

Фредерик Х. Уайт (Университет долины Юты; профессор Колледжа социальных и гуманитарных наук; PhD) frederick.white@uvu.edu.

Frederick H. White (PhD; Professor of Russian and Integrated Studies, Utah Valley University) frederick.white@uvu.edu.

Ключевые слова: Леонид Андреев, криминальная антропология, теория вырождения, прирожденные преступники, *fin de siècle*

Key words: Leonid Andreev, criminal anthropology, degeneration theory, born criminals, *fin de siècle*

УДК: 343.9+304.2+929

DOI: 10.53953/08696365_2023_179_1_43

UDC: 343.9+304.2+929

DOI: 10.53953/08696365_2023_179_1_43

Автор статьи исследует популяризацию медицинской теории и усвоение ее общественным и литературным дискурсом в России начала XX века. Особое внимание уделяется роли в этом процессе массовой печати, которая публиковала и сообщения о новостях психопатологии и криминальной антропологии, и полемику вокруг модернистской прозы, использовавшей достижения этих наук, и критику культурной среды, где теория вырождения стала универсальной метафорой, объединившей, с одной стороны, реальных преступников и криминальных антропологов — и, с другой стороны, героев-неврастеников и их создателей-литераторов, готовых признать связь между литературным гением и психическим расстройством.

The article addresses the popularization of medical theory and how it became a part of literary and popular discourse in Russia at the beginning of the twentieth century. Special attention is paid to the role the popular press played in the process by publishing the news of psychopathology and criminal anthropology alongside the polemics around modernist prose informed by the achievements of these sciences as well as criticism of the society where degeneration theory became a universal metaphor linking real-life criminals and criminal anthropologists, on the one hand, — and neurasthenic fictional characters and their creators exploring the connection between literary genius and mental deviation, on the other hand.

В августе 1897 года знаменитый итальянский криминальный антрополог Чезаре Ломброзо приехал в Москву на Международный съезд врачей. Помимо встречи со своими верными российскими последователями он неожиданно отправился в Ясную Поляну, чтобы обсудить со Львом Толстым свою теорию гения. Хотя встреча не была особенно удачной, она стала знаковой для этого периода, когда литература и медицинская наука не имели четких границ — или по меньшей мере вступали в значимое взаимодействие [Николози 2019: 300—302].

В этой статье мы обратимся к популяризации медицинской теории и усвоению ее общественным и литературным дискурсом в России начала XX века. Рикардо Николози назвал это нарративом о вырождении, где наука приобрела литературные свойства, а литература цитировала науку [Там же]. В свою очередь, этот ведущий нарратив (*master narrative*) сыграл важную роль в формировании общественного дискурса российского *fin de siècle*, где медицинские представления о вырождении сплетались с критикой литературного декаданса и бульварной литературы. Свою роль в этом процессе сыграла и россий-

ская пресса — популяризируя медицинский дискурс, соединяя новейшие теории вырождения с сенсационными сообщениями об алкоголиках, наркоманах, проститутках и сифилитиках и в то же время представляя модернистов как морально разложившихся разносчиков гражданского и политического недовольства.

Мы проследим не только нарратив о вырождении, но и сам круговорот общественной мысли, в котором растворились границы между медицинской теорией и литературным текстом. Представление писателей о девиантности формировалось под влиянием новинок медицинской науки; научная мысль получала новое выражение в художественных произведениях, которые нередко относили к категории декадентской или бульварной литературы; в периодической печати эти произведения приводились как свидетельство упадка российского общества; физиологи-теоретики использовали современную им литературу и публицистику как доказательство справедливости своих научных выводов [White 2014]. В 1902 году в России можно было прочесть и скандальные рассказы Леонида Андреева, описывающие преступные девиации, и медицинские исследования Прасковьи Тарновской, посвященные физиологии женщин-преступниц. Психиатры, криминологи и медики, специализирующиеся в иных областях, читали эти художественные и медицинские тексты в контексте теории вырождения и периодически обращались к ним для иллюстрации социальной критики — так же, как и персонажи-медики на страницах литературных произведений.

Исследование различных типов публикаций за 1902 год, в которых затронута проблема преступной девиантности, позволит нам по-новому взглянуть на популяризацию медицинской науки в России и, как следствие, предложить альтернативный подход к литературе данного периода.

Медицинская наука

Российские ученые-физиологи эпохи *fin de siècle* испытали существенное влияние работ Ломброзо и Бенедикта Огюстена Мореля. Ломброзо исходил из представления о преступнике как особом подвиде мужчины, в строении тела которого (черепе, мозге, участках скелета, мышцах, внутренних органах) можно выявить признаки атавизма. Будучи физиологически ближе к приматам, этот подвид считался отброшенным на эволюционный уровень «дикаря», склонного к насилию. Такой подход перемещал фокус внимания с преступления на преступника. В свою очередь, Морель допускал, что факторы наследственности и окружающей среды также играли свою роль в быстрой деградации семьи за несколько поколений. Эти два подхода породили раскол между французской и итальянской школами криминальной антропологии. Российские психиатры и криминологи постепенно пришли к сочетанию этих теорий. Они признавали, что факторы наследственности и среды могут передаваться от поколения к поколению, но также искали способы выявлять эти факторы или физические черты, чтобы отличать преступников, или вырожденцев, от здоровых членов общества. Отметим, что при определении наличия у индивида психического или морального расстройства принимались во внимание не только физические характеристики. Это породило мнение об эпидемии, оказывавшей негативное воздействие на все российское общество [Николози 2019; Beer 2008].

Прасковья Тарновская была ведущим специалистом по женской преступности и поддерживала постоянный контакт с Ломброзо. Ее наблюдения за петербургскими проститутками и преступницами значительно повлияли на исследования Ломброзо в этой области и, судя по всему, заставили его пересмотреть свою теорию с учетом факторов окружающей среды [Уайт 2020]. Тарновская, ее муж Вениамин Тарновский, Павел Ковалевский и Дмитрий Дриль регулярно посещали Международный конгресс по криминальной антропологии и по большей части поддерживали ломбровские теории.

Как отметила Луиза МакРейнолдс, Ковалевский читал публичные лекции и писал статьи для широкой аудитории, чем способствовал распространению новостей психиатрии, — хотя и с ноткой паники, а после 1905 года и с изрядной долей национализма [McReynolds 2017: 64–65]. Подобным же образом Дриль приобрел известность благодаря своей фундаментальной работе о ювенильной преступности, где он использовал теорию вырождения, чтобы объяснить влияние патологической наследственности на моральное и физическое здоровье детей. К началу XX века лекции Дриля и его очерки теории вырождения также оказались в распоряжении широкого читателя [White 2017: 63]. Тарновская и ее муж специализировались в области изучения проституции и сексуальных извращений, однако стояли на принципиально различных позициях. Тарновский публично выступал за принятие административных мер для регулирования проституции, тогда как Тарновская была сторонницей социальной реформы [Engelstein 1992: 133–154]. В 1902 году Тарновская опубликовала свою работу «Женщины-убийцы», где она утверждала, что при выявлении потенциальной преступницы надо учитывать множество факторов. Тем самым она модифицировала исходное положение Ломброзо о принадлежности человека к типу прирожденного преступника как самодостаточном определяющем факторе и показала, что криминальная антропология способна определить скорее *предрасположенность* к преступной деятельности.

В исследование были включены биографии отдельных преступниц, что придавало работе особую убедительность. Маловероятно, что этот научный текст был прочитан за пределами врачебных кругов, однако он содержит потрясающие нарративы о женской преступности, которые доказывают, что ученые того времени рассматривали преступные наклонности отдельных индивидов как проявление вырождения, и которые складываются в ведущий нарратив о вырождении [Nicolosi 2017: 92]. Заметим, что эти нарративы обладали чертами художественной литературы, поскольку Тарновская пыталась интерпретировать собранные ею антропоморфические данные параллельно с социальными и экономическими факторами.

Здесь необходимо отметить, что роль вышеупомянутых ученых в ту эпоху отнюдь не ограничивалась профессиональной деятельностью, что способствовало показанному выше круговороту общественной мысли. Тарновская в своих публичных лекциях часто обращалась к проблемам преступности и упадка страны. Как и ее муж, она была известной интеллектуалкой, постоянно принимавшей участие в дискуссиях о государственном контроле за проституцией, о распространении сифилиса и о врожденной способности (или предрасположенности) к преступлению у женщин, разворачивавшихся как в медицинских журналах, так и в массовой печати. В тот же самый период все эти вопросы присутствуют и в литературных произведениях Леонида Андреева. Наша задача — не установить причинно-следственные связи, а показать, что медицин-

ские и литературные нарративы, связанные с криминальной девиантностью, не были принципиально различны, и, что особенно важно, часто обсуждались в прессе, где не проводилась отчетливая черта между медицинским фактом той эпохи и художественным вымыслом.

Литературный текст

Сравнительно недавно начавший публиковаться, Андреев был мало известен за пределами писательских кругов — пока второе, расширенное издание сборника его рассказов не выдвинуло его на авансцену литературной жизни. Новые рассказы, включенные в это издание, стали первым выражением теории вырождения в творчестве писателя и вызвали яростные публичные дискуссии — особенно «Бездна» и «В тумане». Многие сексуальные парадигмы, выстроенные в этих рассказах, можно связать с психиатрией и медицинским дискурсом, а в целом они были прочитаны как свидетельство упадка нации.

Андреев с ранней юности проявлял интерес к трудам ведущих специалистов по теории вырождения и даже прямо упоминал в дневниках Ломброзо¹, Макса Нордау² и Ричарда фон Крафт-Эбинга³. Высказывался Андреев и о возможной некомпетентности российских последователей Чарльза Дарвина и Томаса Мальтуса⁴. Писатель окончил юридический факультет Московского университета и после выпуска работал помощником присяжного поверенного П.Н. Малянтовича. Андреев не преуспел в качестве юриста, но стал блестящим судебным репортером «Московского вестника» и «Курьера», на страницах которых он знакомил российских читателей с деталями процессов по сенсационным уголовным делам. Многие из этих статей, опубликованных в 1897—1903 годах, легли в основу его литературных произведений. Таким образом, представления Андреева о медицинских науках, связанных с криминологией, основывались отчасти на реальных преступлениях, отчасти на юридической теории, а отчасти на сенсационной журналистике. Не менее важным фактором стал курс лечения от неврастения, который Андреев проходил с 25 января по 5 марта 1901 года в клинике под руководством заслуженного профессора Московского университета М.П. Черинова [Андреев 1960: 83—86; Фатов 1924: 166]⁵. Несомненно, опыт научно обоснованного лечения отразился на представлениях Андреева о психическом расстройстве — как в рамках литературной деятельности, так и частной жизни.

Галина Боева в своей недавней монографии выступила с новой для русской критической мысли концепцией роли Андреева в эпохе модерна. Она проследила в творчестве писателя склонность к позитивизму и натурализму, часто с опорой на новейшие достижения наук о психической деятельности, приправленные изрядной порцией социального дарвинизма. Боева также читает произведения Андреева в контексте психопатологического и литературного дискурса той эпохи: «Мутации личности героев многих андреевских произведений размывают представление о цельности личности и как будто иллюстрируют

---

1 Leeds Russian Archive (LRA), MS. 606. E. 6; Entry for 20 November 1892.
2 LRA, MS. 606. E. 1; Entry for 16 March 1890.
3 LRA, MS. 606. E. 4; Entry for 2 August 1891.
4 LRA, MS. 606. E. 4; Entry for 6 August 1891.

новейшие справочники по психопатологии» [Боева 2016: 23]. Этот подход гораздо ближе к моей интерпретации творчества Андреева [White 2014], чем позиция советского и раннего постсоветского литературоведения.

В «Бездне», первоначально опубликованной в номере «Курьера» за 10 января 1902 года, студент Немовецкий и гимназистка Зиночка гуляют за городом. Помогая спутнице перебраться через канаву, Немовецкий видит черный силуэт ее ноги в маленькой туфле, ощущает возбуждение, но подавляет его — и они продолжают разговор о литературе и прочих приятных вещах. Понимая, что они заблудились в сумерках, он притворяется, что знает дорогу в город, и ведет Зиночку дальше. Они забредают в «дурную и опасную местность», где собираются отбросы общества. Сначала они видят проститутку, сидящих на краю глиняной ямы. Описание одной из них отражает утверждение Ломброзо о том, что преступные женщины обладают мужскими качествами и это притупляет их материнские чувства:

Лицо у нее было грубое, широкое, с мужскими чертами, и под глазами на выдавшихся скулах горели по два красных кирпичных пятна, похожих на свежие ссадины. Она была еще грязнее, чем первая, и смотрела на идущих прямо и просто. Когда они пришли, она запела густым, мужским голосом [Андреев 1990: 359].

Вскоре после этого на молодых людей нападают трое дегенератов: они избивают Немовецкого до потери сознания и насилуют Зиночку. Когда студент приходит в себя, он идет искать Зиночку. Но, найдя ее в кустах обнаженную, лежащую в глубоком обмороке, он, будучи не в силах справиться с «дикой страстью», овладевает ее безвольным телом.

В ответ на жесткую критику своего рассказа Андреев под псевдонимом Джеймс Линч опубликовал очерк, в котором переосмыслил «Бездну» как обличение проституции, которую он практически уравнивал с изнасилованием. Он напомнил своим читателям, которым трудно было поверить в способность образованного и интеллигентного юноши на акт насилия, что современное общество принимает подобное поведение как данность, если только речь идет о продажной любви: «Изнасиловать оскорбленную девушку — это до того скверно, что даже невозможно, а пойти и купить ту же девушку, также тысячекратно оскорбленную, также беспомощную и несчастную, — это до того возможно, что даже и не скверно»⁶.

И тем не менее, в отличие от Льва Толстого в «Крейцеровой сонате», Андреев не провозглашает моральных догм. Его подход к проблеме укладывается в рамки общественного дискурса о психопатологии, в котором мораль перешла из ведения церкви в сферу науки. В публичных дискуссиях ученые-медики отправлялись в категорию «нравственного помешательства» всех без разбора: преступников, сифилитиков, гомосексуалистов, проститутку и прочих лиц, чье поведение расходилось с общепринятой моралью. Андреев же пытался понять сложную структуру разума, в котором, по всей видимости, заложен и элемент жестокости — или, в терминологии Ломброзо, присутствует атавизм, который может внезапно проявиться в индивидуе, по всем остальным признакам производящем впечатление цивилизованного и здорового.

5 См. также: Андреева Р. Трудные годы // Орловская правда. 1971. № 275. 21 ноября.

6 Линч Дж. Москва. Мелочи жизни // Курьер. 1902. № 27. 27 января.

Влияние медицинского дискурса о проституции еще более очевидно в рассказе Андреева «В тумане», опубликованном в декабрьском номере «Журнала для всех» за 1902 год. Это история семнадцатилетнего Павла, заразившегося венерической болезнью от проститутки. Он стыдится своего состояния и считает себя недостойным человеческого общества — и в то же время терзается возвышенной любовью к подруге сестры-гимназистки. Ситуация осложняется и тем, что между Павлом и его отцом нет подлинной близости: невозможность поговорить с кем-то по душам выгоняет юношу поздним вечером на улицу, где его зазывает к себе проститутка. Поскольку проститутка пьяна, а Павел охвачен самоуничижением, их «свидание» превращается в грязную ссору и драку, в результате которой молодой человек закалывает подвернувшимся ножом сначала женщину, а потом и себя.

На написание рассказа Андреева вдохновила заметка о мальчишке, убившем двух проституток, напечатанная в «Курьере» 21 июня того же года. Заинтригованной этим сюжетом, писатель решил исследовать возможные психологические предпосылки подобного поступка. При создании психологического портрета человека, способного на такое поведение, Андреев опирался на теорию вырождения: это заметно и в описании состояния Павла, считающего себя не просто носителем венерического заболевания, а ненормальным в целом, и в рассуждениях его отца:

Да, это страшный вопрос, и я убежден, Павел, что участь всего культурного человечества зависит от того или иного решения его. Действительно... Вырождение целых поколений, даже целых стран; психические расстройства со всеми ужасами безумия и маразма... Так вот... И наконец, бесчисленные болезни, разрушающие тело и даже душу [Там же: 456].

Проститутка Манечка также описана здесь в маскулинных категориях, хотя это и не так очевидно, как в «Бездне». Когда они сидят рядом, она оказывается почти на голову выше мальчика, она несколько раз угрожает ударить его, демонстрируя физическое превосходство, — и в конечном итоге бьет первая. Интересно также, что в пылу ссоры она называет его «щенком», а он ее «собакой», их драка описана как схватка зверей («клубком покатались», «казались странным и слитным существом, у которого четыре руки и четыре ноги», «лицо с дикими глазами»), а когда Павел закалывает ее хлебным ножом, женщина кричит, «как кричат животные, когда их убивают». Все это приводит на память теорию Ломброзо о физиологической близости вырожденцев к приматам и их возврату к эволюционной ступени дикарей.

Андреев был шокирован тем, какой фурор в обществе произвела публикация его рассказа. В январе 1903 года Платон Краснов написал литературную характеристику Андреева под заголовком «Кошмарный писатель», в которой рассмотрел андреевский сборник в свете теории Макса Нордау, критикующего дегенеративное искусство и писателей-вырожденцев. В том же ключе Краснов назвал Андреева декадентом и мрачным подражателем европейского декаданса и указал, что его произведения оказывают разлагающее воздействие на российское общество⁷. Месяц спустя на страницах «Новостей» А. Лазарев вы-

7 Краснов П. «Кошмарный писатель». Литературная характеристика Леонида Андреева // Литературные вечера «Нового мира» 1903 года. СПб.: М.О. Вольф, 1903. С. 38—44.

ступил с критикой преувеличенного внимания, оказанного андреевскому рассказу «В тумане», — и, в частности, отметил, что этот текст вызвал как литературные, так и медицинские дебаты⁸.

Публичные дискуссии приобрели особую остроту после того, как С.А. Толстая написала редактору «Нового времени» письмо, в котором назвала рассказы Андреева порнографическими⁹. Ее мнение отражало реакцию более консервативной части общества, воспринявшей произведения Андреева как нападки на буржуазную мораль. Либеральные критики поддержали писателя, апеллируя к похожим преступлениям, совершенным в Москве и Киеве. Они видели в новом рассказе не порнографию, а моментальный снимок современного состояния общества [Чуваков 1998: 35—44]. В качестве примера того, что медики воспринимали прозу Андреева всерьез, можно привести отзыв на этот рассказ доктора М.П. Манасеина, который указал на распространенность сифилиса и гонореи в российском обществе на тот момент¹⁰.

Публичные дискуссии были важным элементом круговорота общественной мысли о вырождении, поскольку мнения физиологов и общественная критика звучали не только на страницах медицинских журналов и академических аудиториях, но и в массовой печати. Историк Марк Д. Стейнберг отметил, что в прессе начала XX века «для определения общественной жизни использовался словарь болезни и кризиса» [Steinberg 2011: 34—35]. Отсутствие четкой границы между медицинским исследованием и тогдашней общественной мыслью позволяло критикам литературы и социума представлять писателей вроде Андреева как распространителей девиантности, инфицирующих ею ничего не подозревающее общество. И, что характерно, имелась в виду та самая девиантность, которая была очевидным симптомом более масштабного социального и политического конфликта, который давно назревал в обществе и готов был уже вырваться на поверхность.

Нельзя не признать, что существовало декадентское литературное течение, создателями и приверженцами которого были Валерий Брюсов и его круг, но была и декадентская литература, которая формировалась вне определенных писательских салонов и отражала дух эпохи. К примеру, Леонид Андреев, Михаил Арцыбашев, Федор Сологуб, Анастасия Вербицкая и Лидия Зиновьева-Аннибал все были писателями-декадентами, особенно если не принимать во внимание произвольное деление на группы, основанное на дружеских связях. Для этого круга авторов характерны мотивы европейского декадентского дискурса, в котором разрушение социального и политического строя изображалось как свидетельство морального разложения цивилизованного общества.

Бескомпромиссные атаки на российских модернистов в массовой печати, предпринимавшиеся в том числе и учеными-медиками, продолжали размывать в сознании читателей границу между тогдашним научным фактом и тем, что воспринималось как литературная тяга к сенсации. Не удивительно, что в некоторых слоях общества литературу делили на «нравственные» произведения А. Чехова, Л. Толстого и И. Тургенева — и «безнравственные» книги Л. Андреева, М. Арцыбашева и М. Кузмина. Эти последние, по всей видимости, ока-

8 Лазарев А.А. «В тумане» (Голоса из публики) // Новости. 1903. № 52. 22 февраля.

9 Толстая С. Письмо в редакцию // Новое время. 1903. № 9673. 7 февраля.

10 Манасеин М.П. Из частной переписки: В медицинском тумане. («В тумане», рассказ Леонида Андреева) // Новый путь. № 8. 1903. С. 224—228.

зывали «то же вредоносное воздействие на молодежь, что и рассматривание фотографий обнаженных женщин, витрин магазинов и газетных объявлений — типичных продуктов бульварной культуры», так что врачи считали необходимым расспрашивать своих юных пациентов не только об их сексуальных привычках, но и о круге чтения [Engelstein 1992: 371—372]. Разумеется, массовая пресса играла здесь двойственную роль: она и распространяла эту *бульварную культуру*, и обличала ее разрушительное действие на современное общество.

Размывая границы

В то же самое время, когда его сексуально откровенные произведения обсуждались в массовой печати, Андреев опубликовал третий рассказ, который придал новый импульс этой дискуссии, особенно среди медиков. Напечатанный в журнале «Мир божий» в 1902 году, рассказ «Мысль» представляет собой «письменные объяснения» врача Антона Керженцева по поводу совершенного им убийства друга детства Алексея Савелова. Керженцев, находясь в психиатрической больнице, признается, как он симулировал сумасшествие, чтобы совершить преступление и остаться безнаказанным. Однако после убийства Савелова границы между здравым рассудком и безумием стираются, заставляя героя задаться вопросом: «Притворялся ли я сумасшедшим, чтобы убить, или убил потому, что был сумасшедшим?»

В русле современного ему медицинского дискурса о наследственности андреевский Керженцев осознает, что случаи психических расстройств в его семье обеспечивают ему отличное алиби:

Первое, на что должны будут устремить внимание эксперты, это наследственные влияния, — и моя наследственность, к великой моей радости, оказалась вполне подходящей. Отец был алкоголиком; один дядя, его брат, кончил свою жизнь в больнице для умалишенных и, наконец, единственная сестра моя, Анна, уже умершая, страдала эпилепсией. Правда, со стороны матери у нас в роду все были здоровяки, но ведь достаточно одной капли яда безумия, чтобы отравить целый ряд поколений [Андреев 1990: 389].

Позже, когда Антон Игнатьевич начинает понимать, что, возможно, действительно болен, он возвращается к проблеме наследственности:

Я — сумасшедший. Не угодно ли выслушать: почему?

Первое, осуждает меня наследственность, та самая наследственность, которой я так обрадовался, обдумывая свой план. <...> Наследственность и припадки свидетельствуют о моем предрасположении к психической болезни. И она началась незаметно для самого меня много раньше, чем я придумал план убийства. Но, обладая, как все сумасшедшие, бессознательной хитростью и способностью принаравливать безумные поступки к нормам здравого мышления, я стал обманывать, но не других, как я думал, а себя [Там же: 411—412].

Доминирующая роль наследственного фактора здесь соответствует теории Мореля о том, что вырождение за несколько поколений приводит к идиотии. Герой транслирует популяризированный медицинский дискурс о наследствен-

ных патологиях, но в то же время выражает всеобщую обеспокоенность тем, что душевные болезни трудно диагностировать. В «Мысли» Андреев рассматривает преступление, совершенное душевнобольным, в контексте театрального представления. Керженцев позиционирует себя как актера, который «проводит роль сумасшедшего» для совершения убийства. Он достигает своей цели, но вскоре понимает, что взял на себя эту роль под влиянием душевного расстройства, что ему лишь казалось, что он разыгрывает представление, а на самом деле он безумен (см.: [Уайт 2004]).

Реакция на этот рассказ последовала незамедлительно, так что дискуссия, спровоцированная рассказами «Бездна» и «В тумане», набрала новые обороты. Критик В. Подарский (Н.С. Русанов) утверждал, что литературные рецензенты не могут по достоинству оценить «Мысль», и с нетерпением ждал суждения российских психиатров. Тем не менее после обсуждения работы Пьера Жане о «неотвязных состояниях и психастении» Подарский предложил собственный диагноз психического расстройства Керженцева и заключил, что рассказ представляет собой нечто среднее между фантазией и интеллектуальным трудом о дисгармонии человеческого организма¹¹.

В 1903 году доктор Алексей Янишевский выступил с публичной лекцией «Леонида Андреева “Мысль” с точки зрения врача-психиатра» в Казанском университете, где он работал врачом психиатрической клиники. Эта лекция и опубликованная по ее итогам статья были отрецензированы в местной прессе «Казанский телеграф»¹² и таким образом стали достоянием общественности.

Выступление Янишевского открывается введением в современную теорию вырождения, занимающим несколько страниц. Обращаясь к литературе, поскольку «она черпает материал из живой действительности», он признает, что не может оценить художественную ценность рассказа, но «должен только отметить, что в многих типах, данных нам литературой, можно указать болезненные черты»¹³. Докладчик утверждает, что Керженцев безумен: он страдает расстройством нравственного чувства и обостренным самосознанием. Герой Андреева — «глубокий дегенерат», о чем свидетельствует его наследственность: «...отец Керженцева — алкоголик, дядя сумасшедший, сестра эпилептика»¹⁴.

Это классический пример круговорота общественной мысли в ту эпоху. Наследственность была спорным вопросом для российских ученых, пытавшихся найти компромисс между теориями Мореля и Ломброзо. Андреев поднял этот вопрос в контексте безумия, толкающего на преступление, поскольку эта проблема была в центре общественного внимания. Авторитетный ученый А. Янишевский, в свою очередь, использует Керженцева как пример «глубокого дегенерата», приводя в доказательство своей точки зрения наследственность героя. Выступление доктора Янишевского рецензируется и обсуждается в мас-

11 Подарский П. Наша текущая жизнь: («Мысль») // Русское богатство. 1902. № 9. Сентябрь. С. 137, 142.

12 Синьор. По поводу лекции доктора Янишевского // Казанский телеграф. 1903. № 3086. 17 апреля.

13 Янишевский А.Е. Леонида Андреева «Мысль» с точки зрения врача-психиатра: Публичная лекция, читанная в актовом зале Казанского университета 1903 г. в пользу пансионата Общества взаимопомощи сельских и городских учителей и учительниц // Неврологический вестник. 1903. Т. XI. Вып. 2. С. 5.

14 Там же. С. 29.

совой печати. Круговорот общественной мысли замыкается, и в нем литературный и медицинский дискурсы плавно перетекают друг в друга.

Двумя месяцами раньше Янишевского, 18 февраля 1903 года, доктор И. Иванов выступил в Петербурге с публичной лекцией «Г-н Леонид Андреев как художник-психопатолог», отчет о которой появился в «Биржевых ведомостях»¹⁵. Согласно газетной статье, лекционная аудитория была переполнена, люди стояли в проходах, а среди слушателей были известные психиатры, в частности Владимир Бехтерев. Целью доклада было показать, насколько точным было изображение сумасшествия в андреевском рассказе. Иванов отметил, что описание симптомов в рассказе соответствует требованиям современной психиатрии. Далее он признал способность Андреева к созданию художественного текста, достойного психиатрического анализа, на уровне Достоевского и Мопассана. Он также указал, что писатель «имел печальную возможность самому практически ознакомиться с психиатрией во время своего нахождения в специальной лечебнице»¹⁶.

Это последнее замечание, попавшее в массовую печать, побудило Андреева немедленно написать в «Биржевые ведомости» открытое письмо. Писатель утверждал, что никогда в жизни «не страдал никакими психическими заболеваниями», а в клинике по внутренним болезням в начале 1901 года находился для лечения «сердцебиений на нервно-желудочной почве». Андреев не считал необходимым опровергать слух о своем сумасшествии, пока тот был «достоянием улицы», но теперь, «когда он приводится в строгом научном докладе как факт», он вынужден был выступить с разъяснением, чтобы критики не проецировали сюжеты рассказов на частную жизнь писателя¹⁷. Это письмо с комментариями редакции было перепечатано и в провинции — в газетах «Одесские новости» и «Пермский край» [Чуваков 1998: 45].

1 марта 1903 года И. Иванов направил в «Биржевые ведомости» ответное письмо, поясняющее, что его замечание о душевном нездоровье Андреева было основано на информации из газет и частных бесед. Хотя среди его собеседников вполне могли быть врачи, наблюдавшие писателя в клинике Черинова, Иванов не мог с полным основанием утверждать, что Андреев лечился там именно от острой невралгии. Психиатр объявил, что преклоняется перед художественным талантом Андреева, извинился перед писателем за распространение непроверенной информации и пояснил, что в словах его не было «злого умысла или инсинуации». Лекция Иванова и последовавший за ней обмен открытыми письмами широко обсуждались в газетах по всей России, включая «Новости дня» (Москва), «Волгарь» (Нижний Новгород), «Самарскую газету», «Одесские новости», «Пермский край», «Курьер» (Москва), «Смоленский вестник» и другие [Там же: 45—46].

На этом бы все и закончилось, если бы два года спустя И. Иванов не опубликовал печатную версию своего доклада. В ней он удалил замечание о пребывании Андреева в специальной лечебнице и завуалировал личный опыт писателя фразой «Г. Андреев, очевидно, глубоко изучил трактуемый им вопрос, ознакомившись с ним с немалою затратою времени по первоисточникам». Не ограничившись этим, он отметил «большой художественный талант»

15 Леонид Андреев на суде психиатров // Биржевые ведомости. 1903. № 90. 20 февраля.

16 Там же.

17 Андреев И. Письмо в редакцию // Биржевые ведомости. 1903. № 103. 27 февраля.

автора «Мысли» и его особую «способность проникновения в затаенные и скрытые уголки болезненно работающей психики»¹⁸. Оставим за читателем право решать, не была ли в этом пассаже заложена ирония, — отметим лишь, что видный психиатр прочел рассказ Андреева как достоверное описание де-генерации. Дебаты вокруг «Бездны», «В тумане» и «Мысли» только способствовали росту популярности Андреева в России и за рубежом.

Заключение

По мере того как границы между социальной критикой, литературной критикой и медицинскими заключениями продолжали разрушаться, психиатры продолжали выступать с публичными лекциями и предлагать медицинский анализ рассказов «Бездна», «В тумане» и «Мысль». Например, в 1910 году вышли сразу две работы — доктора А. Муморцева и доктора М. Шайкевича — об Андрееве и героях его прозы¹⁹.

Разумеется, писатели-декаденты просто отражали медицинский дискурс эпохи, но вместе с тем они расширяли круг тем, приемлемых для обсуждения в обществе. В свою очередь, литературные и социальные критики использовали медицинскую терминологию, чтобы заклеить этих писателей как попирающих нормы зачинщиков социальных волнений. Особо отметим, что социальный и медицинский дискурсы в массовой печати, окружающей модернистскую литературу, перенаправили культурный диалог и подпитали стародавний культурный страх перед деградацией общества. Дебаты о человеческой сексуальности были переосмыслены рядом консервативных критиков как социальные противоречия, что позволило им представить писателей-декадентов как преступную, девиантную угрозу обществу. Вслед за Нордау многие российские критики стали полагаться на научные свидетельства для подтверждения давно зародившихся опасений насчет современного им состояния российского социума.

Сосредоточив внимание на 1902 годе, мы увидели, что медицинские теории сыграли более значительную роль в формировании общественного дискурса российского *fin de siècle*, чем считалось ранее. В сущности, этот дискурс с его ярлыками доминировал в то время, в результате чего критика литературного декаданса сплеталась с медицинскими представлениями о вырождении. Размытые границы между медициной и литературой привели к пониманию современниками того, что российское общество вступило тогда в «научно доказанный» процесс деградации, который можно проследить, обратившись, в частности, к литературе декаданса.

Пер. с англ. Арины Волгиной

-
- 18 Иванов И. Г-н Леонид Андреев как художник-психопатолог // Вопросы нерво-психиатрической медицины. 1905. Т. X. Вып. 1. Январь-март. С. 101.
 19 Муморцев А.Н. Психопатические черты в героях Леонида Андреева, разбор произведений // Отдельные оттиски из Литературно-медицинского журнала д-ра ОКСа. СПб., 1910; Шайкевич М.О. Психопатологическая сторона в произведениях Леонида Андреева // Психопатология и литература. СПб.: Тип. Ц. Крайз, 1910. С. 101—136.

Библиография / References

- [Андреев 1960] — *Андреев Л.Н.* Письма В.С. Мирлюбову // Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения / Под ред. К. Муратовой. М.: АН СССР, 1960. Вып. 5. С. 65—117.
- (*Andreev L.N. Pis'ma V.S. Mirolyubovu // Literaturnyy arkhiv: Materialy po istorii literatury i obshchestvennogo dvizheniya / Ed. by K. Muratova. Moscow, 1960. Iss. 5. P. 65—117.*)
- [Андреев 1990] — *Андреев Л.Н.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990.
- (*Andreev L.N. Sobranie sochineniy: In 6 vols. Vol. 1. Moscow, 1990.*)
- [Боева 2016] — *Боева Г.Н.* Творчество Леонида Андреева и эпоха модерна. СПб.: Петрополис, 2016.
- (*Boeva G.N. Tvorchestvo Leonida Andreeva i epokha moderna. Saint Petersburg, 2016.*)
- [Николози 2019] — *Николози Р.* Вырождение: Литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
- (*Nikolozhi R. Vyrozhdenie: Literatura i psikiatriya v russkoy kul'ture kontsa XIX veka. Moscow, 2019.*)
- [Уайт 2004] — *Уайт Ф.* Леонид Андреев: Лицедейство и обман // Новое литературное обозрение. 2004. № 69. С. 130—143.
- (*White F. Leonid Andreev: Litsedeystvo i obman // Novoe literaturnoe obozrenie. 2004. № 69. P. 130—143.*)
- [Уайт 2020] — *Уайт Ф.* Прасковья Тарновская и русские источники книги Чезаре Ломброзо «Женщина — преступница и проститутка» // Новое литературное обозрение. 2020. № 165. С. 1—17.
- (*White F. Praskov'ya Tarnovskaya i russkie istochniki knigi Chezare Lombroso "Zhenshchina — prestupnitsa i prostitutka" // Novoe literaturnoe obozrenie. 2020. № 165. P. 1—17.*)
- [Фатов 1924] — *Фатов Н.* Молодые годы Леонида Андреева. М.: Земля и фабрика, 1924.
- (*Fatov N. Molodye gody Leonida Andreeva. Moscow, 1924.*)
- [Чуваков 1998] — *Чуваков В.Н.* Леонид Андреев: Библиография. Вып. 2. Литература (1900—1919). М.: Институт мировой литературы РАН, 1998.
- (*Chuvakov V.N. Leonid Andreev: Bibliografiya. Iss. 2. Literatura (1900—1919). Moscow, 1998.*)
- [Beer 2008] — *Beer D.* Renovating Russia: The human sciences and the fate of liberal modernity 1880—1930. Ithaca: Cornell University Press, 2008.
- [Engelstein 1992] — *Engelstein L.* The Keys to Happiness. Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia. Ithaca: Cornell University Press, 1992.
- [McReynolds 2017] — *McReynolds L. P.I. Kovalevskii: Criminal Anthropology and Great Russian Nationalism // Born to be Criminal: The Discourse on Criminality and the Practice of Punishment in Late Imperial Russia and Early Soviet Union. Interdisciplinary Approaches / Ed. by R. Nicolosi, A. Hartmann. Bielefeld: Transcript-Verlag, 2017. P. 63—84.*
- [Nicolosi 2017] — *Nicolosi R.* Criminality, Deviance, and Anthropological Diversity: Narratives of Inborn Criminality and Atavism in Late Imperial Russia (1880—1900) // Born to be Criminal: The Discourse on Criminality and the Practice of Punishment in Late Imperial Russia and Early Soviet Union. Interdisciplinary Approaches / Ed. by R. Nicolosi, A. Hartmann. Bielefeld: Transcript-Verlag, 2017. P. 85—116.
- [Steinberg 2011] — *Steinberg M.D.* Petersburg Fin de Siècle. New Haven: Yale University Press, 2011.
- [White 2014] — *White F.H.* Degeneration, decadence and disease in the Russian fin de siècle. Neurasthenia in the life and work of Leonid Andreev. Manchester: Manchester University Press, 2014.
- [White 2017] — *White F.H.* The Danger of Decadence and Degeneration // Russian Literature (Elsevier Science BV). 2017. Vol. 92. August. P. 49—76.